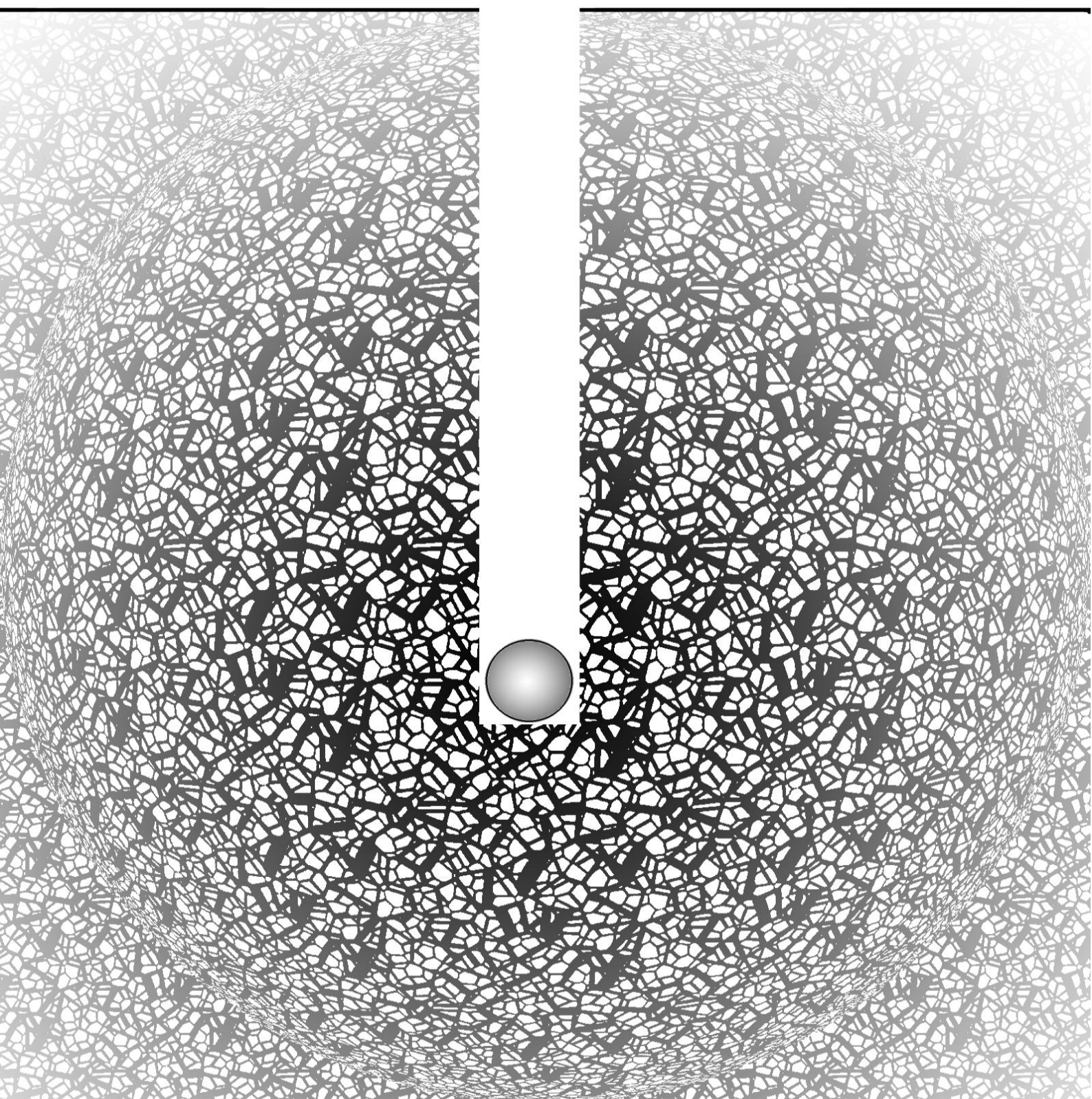

УЛЕТАЙ

Семен Грила

Улетай

*«Одни путешествуют затем,
что ищут себя, другие – затем,
что хотят себя потерять».*

Фридрих Ницше

«Здесь я не нужна, там – невозможна».

Марина Цветаева

Сурово стучат каблуки, как будто идут по нему самому. Такие ощущения он испытывал не впервой, вернее, всегда, когда возвращался обратно оттуда.

Он точно не знал, где бывал, и каждый раз писал отчет и потом сам его читал с интересом, нетерпеливо двигаясь по тексту, с жадностью неопита, впервые погружающегося в вязкую пучину необычного, притворного, густого и горячего. Текстура щекотала пальцы и нёбо, он трясся от предвкушения, но вдруг наступал конец. Все заканчивалось, как неожиданно прерванный сон.

В сущности, все, что он писал, было обрывками воспоминаний, сновидений или чего-то такого, что заменяло сны. Но он не знал, откуда что бралось. Да и не хотел знать.

Эти похмельные дни после были и мучительны, и сладостны. Ну что тут скажешь: зависимость – она и есть зависимость. Неважно, от чего, механизм одинаков. Да-да, одинаков, не отрицайте. Просто что-то запрещено, а что-то почему-то нет. Чай, например, разрешен. Он любил чай.

Окно возможностей

Он на семинаре, посвященном непознанным вопросам управления обществом. Зовут его Зосим Петрович Привалов. Он старший аналитик мозгового треста с безумным названием, очень длинным и незапоминающимся. Аббревиатура зато очень внятная – БДСМ. Будущая сингулярность. Доминирование молодежи. Ну как-то так.

За круглым столом их, таких, человек десять, а вокруг стоят камеры телевизионных каналов и толпятся журналисты. Места на всех не хватило. Обещал прийти на коллоквиум секретарь Союза писателей-фантастов и одновременно помощник министра внутреннего развития Вахтанг Маргеладзе. Поэтому ажиотаж. То ли естественный, то ли искусственный. Не поймешь. Хотя девочки Вахтанга любили.

Пока все тушевались, он решил высказаться. Он сказал, что ничего хорошего человечество не ждет. Оно вымирает, и этот процесс вряд ли возможно повернуть вспять, ресурсы заканчиваются, популяция, видя обстановку вокруг, непроизвольно реагирует, сжимается, усыхает, готовясь пережить, как всегда бывало с ней в трудные тысячелетия в прошлом.

Иждивенчество текущего витка развития не позволит пройти тяжелое легко, и с этим осознанием придется жить.

– А главное-то в чем, где корень? – спросил кто-то из толпы журналистов.

– А главное, – сказал он (в смысле сказал Зосим Петрович), – в отсутствии у коллективного бессознательного тяги к осознанию и пониманию глубины происходящего.

Тут камеры вдруг все задвигались, журналисты расступились и на берег вышел Маргеладзе. Движуха.

Сразу посыпались вопросы.

– Вахтанг, прокомментируйте нарративы Зосимы Петровича. Вы слышали?

– Да, я слышал, и уже не первый раз. Всем привет! Вижу, уже разогрелись, я не опоздал.

– Нет, в самый раз, – сказал ведущий, про которого все забыли. – Итак?

– Ну что я могу сказать, мы сажали и будем продолжать сажать поганых сморчков, которые не верят в бесповоротность позитивной сингулярности, которая решит все назревшие проблемы на пользу человечества и нашему обществу. Нытики и неверующие нам не нужны.

Воцарилась тишина, а потом Маргеладзе сказал:

– Я пошутил. Я люблю Зосиму как родного, вы же знаете, но посадить его все-таки, наверное, придется.

Дальше все наперебой стали задавать новые вопросы, камеры сосредоточились на лице Зосимы. Они ведь управлялись алгоритмами, у репортажных камер они были настроены на эмоции, а эмоция у Зосимы Петровича была самая настоящая, не страх его душил, а отвращение и досада. Досада, что не надо было приходить.

Эмоция сгустилась до материальности, и он проснулся. Валялся на мокрых простынях. Но живой и непосаженный. И это было хорошо. Радостно это было.

Окинава

Постоянный навязчивый образ. Он никогда там не был, но мы места не выбираем.

Итак, Окинава. Он в составе группы туристов из Москвы. 1990 год. Они только что были в Токио, а теперь принимающая сторона – Совет по культурным связям – решил устроить семинар (Боже, ему все время сняться семинары), где бы обсуждалась перестройка и гласность и новый взгляд на СССР.

Японцы говорили красиво, советские – по-советски, они по-другому пока не знали как. Вокруг буйно цвело и росло все, что могло расти в этом душном, тропическом, влажном и жарком месте. Он изнывал от удушливого тепла. Пот струился между лопаток прямо в трусы. Это поражало, представлялись почему-то женщины. Из сострадания, наверное. Им же еще тяжелее. Впрочем, ему это было неизвестно. В себе бы разобраться. Когда ему дали слово, он попробовал.

– Вы понимаете, – сказал он, – механизм демократии просто открыл кран, и мы все наслаждаемся водой, ее обилием. Потом, наверное, привыкнем, а пока – нет. Мы не привыкли. Мы боимся воды. То есть демократии. Мы не знаем допустимого: сколько часов в сутки она течет? Когда отключат?

Японцы смотрели на него с удивлением, соотечественники – с ужасом.

– Вот как с вашей жарой, – решил он закругляться. – Вы привыкли, а мы – нет. Для этого нам нужна вода.

Японцы закивали, когда переводчик закончил.

После окончания семинара был обед. Он вышел покурить на крыльцо ресторана, за ним вышел старший их делегации и сказал ему:

- Ты, Зосима Петрович, человек уважаемый, но учти: еще раз запустишь такую импровизацию – я тебя отчислю.
- Откуда? – спросил он.
- Что откуда? – спросил начальник.
- Отчислите откуда? – повторил Зосима Петрович.
- Ты пошути еще. Отовсюду отчислю, – сказал начальник и посмотрел на него.

Саспенс

Все эти погружения и всплытия имели странный побочный эффект: его все чаще приглашали в 535-ю комнату большого серого здания в центре города.

Город был большой, и таких зданий было много. Ему казалось, что здания каждый раз были разные. Хотя он понимал умом, что так быть не может. И тем не менее. Было у него такое ощущение.

Раньше было время, когда с отчетами приглашали совсем редко, а теперь – почти каждый раз. А начиналось все со странного напряжения, которое он испытывал в день накануне приключения. Он пытался найти закономерность возникновения – и не мог. А потом начались эти звонки и приглашения зайти с отчетом.

Однажды он пожаловался на проблемы на работе: мол, надо отпрашиваться. Его тут же вызвал начальник и сказал: «Зосима, когда тебе куда-то надо, просто иди. Уведомлять никого не нужно».

Чудеса, подумал он, выйдя от начальника.

Вообще ему казалось, что начальники кругом. Они все видят, но смотрят сквозь до поры до времени. А потом бац – зайдите в 320-ю. Но я же к другой приписан. Слушайте, что вам говорят! И он плелся в 320-ю.

Впрочем, это неважно. Он в 320-ю никогда не заходил. Там всегда было закрыто. Заперта всегда дверь была, такая вот байда. Зато сразу в эту ночь происходил новый отрыв, погружение или еще как хотите называйте.

В этом состоянии Зосима находился по-разному: ему казалось – с вечера до утра. Просто снился сон. На самом деле, бывало, Зосимы не было и неделю. А однажды – он потом отметил в календаре – месяц. «Не было» – странное описание нахождения где-то не здесь. Ему от этих слов становилось не по себе. Ему говорили: где ты пропадал столько времени? У него в ответ дрожали колени.

Кривая времени

В тот раз все было необычно. Он, как всегда, шлялся не по прямой, как ему всегда наказывали, а произвольно, выбирал сюжеты. Они громоздились горой, и он любил брать снизу.

Трепетный случай – это когда случай не ждал. Он не для тебя неожиданность, а для него. Как поезд на переезде. Ты его не ждал, но заглох на путях, а поезд просто в тупике от этой твоей незадачи. И кто тут больше в ахуе – ты или он? Зосима Петрович страшно такие ситуации любил, он обожал прям такое. Оно снимало с него всякую ответственность и позволяло решать всю ситуацию прям по настроению, не глядя на шаблоны и окрики начальников. Поезд, лишившийся детерминированности, – это прям метафора метафор в конце концов.

Так было и в случае его интервью с журналом «Экономист», когда его спросили про то, как он думает – параллельно или последовательно? Он сказал тогда, что этот вопрос не должен быть никогда задан, ибо он сталкивает два принципиальных и неотъемлемых друг для друга подхода к осмыслению реальности. Она, реальность, сказал он, осмысляется всеми параллельно – множественно, а затем выстраивается в последовательную цепь

событий, ибо по-другому не может быть доступна одновременно всем в одном нарративе.

Сказка, сказал он, в смысле сюжета, должна быть одна на всех, а интерпретации у каждого могут быть свои. Тогда, объяснил он, люди превращаются в общества, животные – в стаю или стадо. Но, в принципе, функционирование всех сообществ вполне похоже.

Когда интервью напечатали, этого никто не заметил или проигнорировал. Кроме нее. Тогда она написала ему. Взяла контакт в редакции. И пошло-поехало. Она была дарящей благо собеседницей, про все остальное и говорить нечего. Неважно. Потом.

Последний раз

Она сказала ему: или оставайся, или больше не приходи. Он не мог без нее. Правда, он и с ней не мог. Поэтому его устраивали посещения 320-й вечно закрытой комнаты. Очень на нее похоже. Он не знал, что делать. А тут еще проблемы на работе.

Некоторое время назад его неожиданно вызвали вне регламента и показали некое заявление товарища Маргеладзе (он о нем и думать забыл), в котором тот сообщал, что, будучи с ним на одном мероприятии, Зосима Петрович выражал сомнения в умственных и нравственных качествах народа. В конце опуса автор просил принять меры.

– Что будем делать? – спросил его собеседник, убирая бумагу в папку.

– Я не знаю, – сказал Зосима. – Я в отчете все отразил, вам решать.

– Вам надо вернуться туда, оттуда много сигналов.

– Но я собирался в другой фрагмент.

– В другой потом, это вне программы. Вы поняли?

– Да понял я, понял. А если я не смогу туда попасть, там таргет неровный какой-то, я еще в прошлый раз заметил.

– Вы про таргет не указывали.

– Указывал: страница 62.

– Я посмотрю еще раз. Но невзирая на это, вы должны.

– Хорошо, я понял.

Они встретились вечером.

– Ты насовсем? – спросила она.

– Ну что ты. Туда и обратно. Очень просили. И приказывали.

– Понятно, – сказала она.

– Ну что тебе понятно?

– Все, – тихо сказала она.

Он как-то весь нахмурился, а она улыбнулась и сказала:

– Улетай.

Он взглянул на нее, но ее уже не было.

Вернее, так: она еще была, но ее и не было уже.

– Улетай, – повторял он, идя домой. – Улетай.

Что это значит?